

№ 233 (посл. четв. XII в.; Б 67) [3]. Более совершенная фотография грамоты показывает, что, вопреки ДНД, чтение издателей *при ветре* всё же верно: у сомнительной буквы (*т* или *з*) на левом конце верхней горизонтали обнаруживается не замеченная ранее засечка, что возможно только для буквы *т*. Таким образом, вероятная реконструкция здесь такова: *иже то при ветре | (поиде) възми же ...* ‘кто при ветре пойдет [на Ильмень?], тот пусть возьмет ...’ (по-видимому, следовала какая-то инструкция о том, что нужно взять с собой в этой рискованной ситуации). В этом случае *възми* — это императив 3-го лица.

№ 234 (сер. 30-х – 70-е гг. XII в.; Б 37) [ГЗ]. Текст грамоты, читаемый с чрезвычайным трудом по нижнему слою бересты, по новому снимку прочитывается более полно:

ж люта [ѣ.] отъ фолар- [ѡ] мерьтова ж лютъ
а

Буква после *фолар* восстанавливается ненадежно: это может быть либо *а*, либо *а*.

От предлога *ѡ* достаточно хорошо видна омега; надстрочное *т* разглядеть невозможно.

Буква *а* в начале второй строки написана частично поверх *т* (вероятно, писец вначале написал букву *т* из слова *люта*, но быстро заметил, что *т* уже выписано в конце первой строки).

Поскольку сочетания согласных в грамоте отсутствуют, запись *мерьтова*, с *о* между *т* и *в*, можно рассматривать как проявление скандирования. Тем же эффектом может объясняться и запись *Фолар-*.

Нужно заметить, что конструкции с предлогом *отъ* чрезвычайно редки в долговых реестрах. Единственную параллель к включению такой конструкции в долговой реестр представляет грамота № 218, в которой теперь читается (см. комментарий выше): *и ѡ Жюпанка перешло по семнице наме*. Фраза *ж Люта ѣ. отъ Фолар(а) ѡ мерьтова* в комментируемом документе проливает свет на механизм такого «перехода»: речь, вероятно, идет о наследовании долговых обязательств умершего.

№ 239 (30-е – 70-е гг. XII в.; Б 70) [3]. Хотя сохранившийся текст — это явно начало письма, на верхнем обрезе видны нижние части букв какого-то другого текста. Очевидно, грамота была отрезана от куска бересты, содержавшего два или более текста.

№ 244 (1380-е – 1400-е гг., предпочт. не ранее конца XIV в.; Д 39) [Г]. После слов *а что позовале • юсмь* в конце третьей и начале четвертой строки прочитывается по верхушкам букв: ---[и]ж[ин](а) (с)[ѡа].

№ 246 (XI в.; А 29) [ГЗ]. Как и № 239, грамота была отрезана от предыдущей: от той наверху остались «ножки» целого ряда букв, например, низ от *р* между *како* и *ты*.

В слове *присълеши* стоит просто *ш*, а не *щ*: средняя мачта заходит ниже платформы не глубже, чем правая, а дальше уже идет не штрих, а извилистая трещинка — такая же, как под многими другими буквами. И далее в *не присълеши* — снова простое *ш*: вопреки прориси в издании, загибающийся вправо «хвост» букве *ш* не принадлежит — это некие лишние штрихи, которых в этой зоне несколько. Тем самым вопрос о написании *щ* вместо *ш* отпадает.

Такое же *ш*, внешне похожее на *щ*, встретилось в слове *верешь* в найденной в 2012 году грамоте № 1020.

В грамоте № 246 писавший обходил чечевички, поэтому строчки в ряде мест искривлены; к сожалению, чечевички на прориси не показаны, поэтому «скачущие» строчки производят странное впечатление.

Береста сильно исчиркана, причем в части случаев неясно, оригиналы ли это чиркающих штрихов или их отпечатки с лежавшего выше листа стопки.

№ 249 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 70) [Г]. В издании текст грамоты заканчивается фразой: *на тыхъ жъ • коневыхъ водахъ • оу мундуа • оу вармина • сѡа • взалѣ ѣ. лендомъ • рынѣ •* Конец ее совпадает с концом восьмой строки грамоты. В начале девятой строки видно титло, за которым прочитывается последо-